

Николай Зайцев

Путешествие любви

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

18+

Николай Зайцев
Путешествие любви

«Автор»

2024

Зайцев Н. П.

Путешествие любви / Н. П. Зайцев — «Автор», 2024

Книга посвящает читателя в глубины жизни человеческого общества и людей, не всегда понятных своим поведением, отрицающих общепринятые «приличия» современного свободного от высокой морали мира, где гений и злодейство уже почти сопряжены в едином порыве обогащения и ненасытности потребительского отношения к окружающей нас природе, рядом живущим людям и братьям меньшим. Рассказы, помещённые на страницах книги, не продолжают действие одного сюжета в другом времени и пространстве, а герои повествований не дополняют друг друга, а живут собственной жизнью, как и всё живое на Земле, но их земное времяпрепровождение, может быть, станет необычным душевным откровением для землян, ищущих свежих светлых переживаний в судьбах жителей мира, который открывает для них прекраснодушие авторских слов и видений.

© Зайцев Н. П., 2024

© Автор, 2024

Содержание

Путешествие любви	16
Конец ознакомительного фрагмента.	18

Николай Зайцев

Путешествие любви

Цветы для Мари

Утренняя прогулка заканчивалась, и обычный мой путь к дому пролегал мимо рядов небольшого уличного рынка. Цветочницы, в это время, уже раскладывали свой восхитительный товар. Весеннее солнце лишь начинало поглядывать из-за вершин гор нежным, волнуемым светом и мне, вдруг, захотелось украсить это утро чем-нибудь необычным в своём доме. Выбрал полевые цветы, что улыбались, распахнутыми солнцу сиреневыми глазами в обрамлении голубых лепестков ресниц. Смотрели на свет взглядами сразу всех влюблённых, на этой планете, женщин. Когда я уже принимал в руки букетик этих юных цветов к прилавку подошёл высокий старик. И не только рост обращал внимание, но и движения его выглядели необычно. Он держал в руке посох резного дерева, красиво инкрустированный чёрными крапинами металла, совсем не опирался на него, а лишь взмахивал вверх-вниз при ходьбе. Держался молодецки прямо. «У вас хороший вкус. Эти цветы очень подходят к такому замечательному утру. Дайте и мне букетик этого чуда», – обратился он уже не ко мне. Наши взгляды встретились, и лучи его светлых глаз дополнили ясность весеннего неба.

Через некоторое время мне опять повстречался этот старик. Он стоял чуть поодаль цветочного ряда и, опершись на посох, любовался красками выставленных на продажу цветов. Со спины его фигура, облачённая в длинный, до пят, светлый плащ, казалась огромным застывшим монументом. Я подошёл к нему и, поздоровавшись, спросил: «Хотите купить цветы?» «Нет. Просто наслаждаюсь великолепием гармонии природных красок. А покупать цветы нужно утром. Только тогда они живы, к вечеру это уже застывшая красота. Взгляните сами, сейчас это обилие цвета похоже на пейзаж с картины, но утром дышит прелестью луга», – и, не сказав больше ни слова, он ушёл. Обратившись к нарядному прилавку, я, вдруг, вспомнил то утро, когда впервые повстречал незнакомца и уловил искреннюю пронзительность его слов. Действительно, полуденное видение букетов и вязочек, сочных и скромных соцветий, было подобно искусному воспроизведению на холсте, останавливающему взгляд, но без трепета обновления души. Захотелось встретиться с художником, который простыми словами сумел разъяснить непостижимое для меня различие между утренней и полуденною красотой живых цветов. Желая ускорить нашу будущую встречу, спросил о нём у цветочницы. «Он часто бывает здесь. Покупает цветы, иногда о чём-нибудь говорит. С ним приятно беседовать, но вот о чём он рассказывает, потом никак не могу вспомнить. Что-то доброе, давно неслышанное, после его слов на душе светлеет. Никто даже имени его не знает, но все встречают, как старого знакомого. Он подолгу так стоит, смотрит, а уж потом покупает. Хочешь подарить ему букетик – сердится, говорит, что за радость надо всегда чем-нибудь отплатить. Замечено, после такой покупки и разговора с ним, торговля лучше идёт. Где живёт, никто не знает, но здесь его часто можно встретить», – закончила улыбкой свой ответ девушка.

Ещё долго, встречая своего знакомого старика, не решался заговорить, а только выслушивал его искромётные высказывания о тех или иных вещах. В его словах было что-то, завораживающее разум и я не успевал подтвердить или отрицать сказанное им. Он всегда уходил до того, когда чары его присутствия начинали рассеиваться. Не мешал взбудораженным его монологами раздумьям.

Прошло немало времени, с первой нашей встречи, прежде чем удалось завести с ним разговор. Не помню первоначальных слов, но позднее, купив букетик жёлтых ромашек, старик пригласил меня домой, объяснив причину этого: «Что же мы здесь будем стоять. Наша беседа требует времени, так вот за чаем и проведём его».

Тёплым осенним днём мы вошли во двор его дома, где мне предстояло услышать удивительную историю прошлой жизни этого случайного знакомого. Небольшой дом начинался объёмной верандой, внешняя сторона которой состояла из маленьких застеклённых окон и смотрелась, как единое светлое пространство. За избою стояли рослые, уже оголившиеся плодовые деревья. Вдоль дорожки к дому проглядывались цветочные клумбы, с остатками засохших стеблей. Розовые кусты уже были приготовлены к зимним холодам – обрезаны. Всё это было осыпано красочной щедростью опавшей листвы. «Не убираю листья. Не хочется губить красоту. Весна и лето скоры, как юность, а вот великолепие увядания хочется продлить до наступления холодов», – озвучил мой взгляд хозяин. Дверь открыта и вот мы уже на веранде, где, окружённый стульями, стоит круглый стол, а на нём ваза с увядающими цветами. У стены симпатичное трюмо, с замысловатым узорным орнаментом по краю очень чистых зеркал. В этой их прозрачности мы встречаем себя, не совсем похожих, немолодых и смешных неуклюжестью движений. Старик приглашает к столу, ставит на плиту чайник, достаёт из буфета чашки, конфеты, лимон. Снимаю плащ и присаживаюсь. Очень уютно за этим столом, по центру которого расстелена скатёрка, с рдеющими по её полю, крупно нарисованными вишнями. Хозяин на некоторое время вышел, прихватив вазу с увядшим букетом. Через прозрачность веранды видно, как он полощет вазу из водопроводной колонки на дворе. Поднимает чистую посудину к солнцу и смотрит через её стекло на сверкающие синевой водяные брызги. Всё это происходит свободно и спокойно, будто никто не может за ним наблюдать. Эти привычки одинокого человека очень заметны в его движениях. Также неторопливо поставил наполненную свежей водой вазу на стол и опустил туда принесённые с собой цветы. И тут же начал крутить вазу по столу и так и эдак, притом смотрел на свои действия в зеркала трюмо. Выбрав какое-то, нужное себе, отражение в тройном измерении зеркального пространства, он присел напротив и только теперь обратил своё внимание ко мне. Очень романтично выглядели ромашки, с чёрными глазами в желтых лепестках, на столе и ещё более таинственно смотрелось их отражение. Три букета виделись в зеркалах совершенно непохожими на оригинал и ваза была повернута таким образом, что рисунок на её боку был на каждом из отображений различен. Мы оказались в соседстве четырёх букетов цветов, причём сами в створ объёма зеркал не попадали и существовали отдельно, наблюдая за игрою света и тени. Закипела вода в чайнике на плите и хозяин распорядился с чаем.

– О чём вы хотели меня спросить?

– Не знаю. Хотелось увидаться с вами, а вот вопросов почему-то нет. Давно ли здесь живёте?

– Нет, но родом из этих мест. Долго жил в других краях, но чужбиной назвать те города не поворачивается язык. Слишком многое связывает с тем, что прошло вдали отсюда. Здесь прошла юность, а там целая жизнь. Зачем вернулся? Чтобы не растерять память. Искать уже нечего, а вот потерять могу. Потому и уединился здесь, спрятался от причин, могущих рассеять очень дорогие мне воспоминания. Когда вынужден остаться без того, чем жил ранее и чему был бесконечно рад, то лучше всего покинуть места, где гостило счастье, потому что предметы, напоминающие о том времени становятся мёртвыми. А жить среди памятников своей жизни невыносимо.

– А, здесь вы нашли что-нибудь из оставленного давно?

– Каждому хочется вернуться в свою молодость, но повторить что-нибудь невозможно, хотя бы потому, что разумная юность неинтересна. Она тем и счастлива, что безрассудна. И страстно любить можно только не оглядываясь назад. Так и говорят – без оглядки. Не устаю повторять, что разумная жизнь начинается после пятидесяти. Утихают страсти, терпимее относишься к причудам близких людей, из активного участника жизни становишься наблюдателем. Но для этого нужно повзрослеть, но если к определённому времени этого не случится, то все ваши дурные привычки молодости станут вашей сущностью. Но это всё философия и вовсе не

за тем я приехал сюда. В этом краю не осталось ничего, что могло бы остановить взгляд моей памяти, растревожить душу. Не уцелел даже дом родителей. Потому свои странствия, решено продолжить здесь, а не в соседнем городе моей юности. Просто однажды я уехал отсюда весь, без остатка и о возвращении даже не помышлял. Поэтому искать свои следы в здешней пыли безнадежное дело. Да и ни к чему. Возвращаются и находят только там, где было светло и были заметны дни, проведенные у того дома, у той реки. Мне же не помнится, каково было время, проведенное на малой родине. Какие-то неясные, не озвученные радостью события и не более.

– Но, тогда и причина для вашего отъезда сюда должна быть очень значительной?

– Да. Более необходимых решений, мне кажется, не бывает. Но вы пейте чай, а я постараюсь, если сумею, объяснит своё присутствие в этом, теперь уже ставшим совсем родным, доме. Поверьте, это будет первым откровением в описании той моей жизни, никому здесь неизвестной. Вы поняли, что из отчего дома я ушёл рано, почти сбежал, из-за разногласий с родителями. В моей голове произошёл взрыв детского эгоизма. У меня обнаружился в юности небольшой музыкальный дар и очень хотелось его развивать, но родители упорно препятствовали этому. Наша государственная идеология, со времени революции, изменила понимание жизненных ценностей настолько, что дурное стало порядочностью и наоборот. Если ранее, до воцарения власти хамов, незнание музыкальных азов считалось плохими манерами, то теперь игра на фортепиано стала уделом инвалидов и белоручек. Искусственно опустошённое духовное пространство страны стали занимать потомки пролетарских вождей, тех, что внушали народу о полезности тяжелого труда и никчёмности культурных изысков. Хитрые невежды, они пустили бытовать мнение, что талант и светлые мысли – это пустяки, а добиться чего-нибудь в жизни можно только самоотверженным трудом на благо страны. Отсюда и упорство моих родителей. Так я оказался в огромном городе, куда приехал движимый честолюбивыми надеждами. Карьера, согласная моему желанию не получилась, не удалось поступить в музыкальное училище и вместо этого я определился на технологический факультет института. Думал временно, но вскоре учёба заинтересовала и, кроме неё, нашлось любимое занятие – участие в художественной самодеятельности и это так увлекло, что я всей душой врос в работу талантливого коллектива и совершенно забыл о первопричине своего побега из родного дома. Самодеятельный коллектив сложился в самостоятельный инструментальный ансамбль, руководителем которого стал преподаватель нашего института. Моей радостью, в этой жизни, обратились репетиции, концерты, которые наш ансамбль устраивал на городских сценах и площадках, конечно же, совершенно бескорыстно, не считая популярности наших песен и восхищённых взглядов юных поклонниц. Этот восторг в глазах девушек, обращенный к нашей молодости и таланту, вполне компенсировал отсутствие денег. Наши выступления встречались с радушием, мы становились желанными гостями у студентов и в рабочих коллективах. Только начали привыкать к своей славе, но курс науки закончился и после прощального концерта, выпускники вуза разлетелись в разные стороны страны, поднимать текстильную промышленность.

Я попал в небольшой городок, на фабрику трикотажных изделий и тут же начал подавать надежды, как молодой и грамотный специалист. Других работников с высшим образованием здесь попросту не было. Мне прочили большое будущее, не предоставляя ничего в настоящем. Но мои производственные успехи заметили и через два года упорного труда и неустроенной жизни в рабочем общежитии, как способного инженера отправили в Алжир, помогать тамошнему народу обретать свободу, после низвержения колониального гнёта. Отсюда и начинается отсчёт времени заграничной жизни. В неё я окунулся, не имея ничего, кроме своей молодости, диплома, краткого опыта работы и небольшого музыкального дарования. Как попал в списки отправляемых за рубеж специалистов, не знаю, со мною уезжали дети высокопоставленных чиновников и только меня провожали фабричные знакомые и друзья. Видимо провидение уже уготовило мне свой путь и толкало на него, невзирая на иные представления о будущем. Вот

мы и подошли к началу жизни, в которой нашлось всё, что стало дорого и любимо, но было потеряно безвозвратно.

По приезду на место нашлось много интересной работы, в которой мы находили удовлетворение своему любопытству к жизни в чужой, совершенно незнакомой стране. Прежде, чем тамошняя жизнь стала привычной, минуло много времени.

Алжир страна своеобразная. Фатальность видения мира, заповеданное населению учением ислама, угнетает психику непосвящённого в таинства этой религии человека и если бы не жизнерадостность французов, работавших бок обок со мной, избавиться от тяжёлого чувства постоянной тоски, было бы невозможно. Время становилось в жизни здесь не только лекарем, оно обостряло интерес к узнаванию истоков и продолжения культуры незнакомого народа. Научившись узнавать в поведении людей оттенки их настроения, иногда даже забывал, что не принадлежу к их духовному объединению. Но общение наше ограничивалось совместной работой над новыми рабочими проектами, бытовые и духовные интересы арабов оставались экзотикой. Сотрудники комбината, из местного населения, хорошо говорящие по-французски, разбирающиеся в сложных процессах производства, не чуждые пониманию западной культуры, после работы пропадали в кварталах средневековья, где жизнь остановилась со времени жизни пророка. Попав в это средневековье, а оно находится прямо в центре современного города, можно найти в узких улочках настоящий вертеп разбойников, отыскать притон курильщиков гашиша, мелочную лавку, где можно купить товар со всех сторон белого света и многое такое, о чем за стенами этих кварталов помнят лишь понаслышке. Сначала мне это казалось неестественным, уж слишком велик был разрыв во времени. Но позже стало понятно, что таким образом люди спасают себя от увязания в чуждой среде наступающего прогресса. Отдыхают от стремительности новизны, в спокойной обстановке привычного бытия. Никто из них не приглашал нас в гости, чтобы не разрушать своего душевного покоя. К этому привыкли и не навязывались. Общались с французами, позднее стали наезжать американцы. Но дружбы с ними не получалось, они были слишком озабочены своей исключительностью, слыли невеждами в светских тасовках и ничем, кроме профессионализма в работе, удивить не могли. Трудно было вникнуть в образ их мышления, ищущему меркантильных оценок всему и дружбе тоже. Их страстное поклонение золотому тельцу угнетало мои чувства гораздо больше, чем арабская покорность судьбе. Французы оказались ближе по всем статьям неписаного кодекса дружеских взаимоотношений.

Но одиночество продолжалось, мне ещё не встретились женщины, мысли о которой не давали бы заснуть и каждое мгновение торопило бы следующий за ней миг, укорачивая ненужное время, в ожидании встречи с ней. Женщины появлялись, но желание продолжать отношения, после нескольких встреч с ними, угасало. То была не их вина, а моё обидное безразличие к их интересам и даже к самому продолжению наших свиданий. Их близость волновала только в начале знакомства и со временем становилась надоевшей необходимостью. Я не умел скрывать этого и они исчезали из моей жизни. В чужой стране трудно думать о совершенной близости с женщиной. Здесь нет связующего начала для мыслей о семье, родстве. Нет самого понятия дома и не на что облокотиться в этой своей беспризорности. Моё временное пребывание в Алжире располагало лишь к лёгкому флирту, без всяких обязательств с обеих сторон. Это непостоянство в себе не сулило ничего хорошего в будущем. Многие временное становится постоянным и моя работа за рубежом затянулась. Уезжали старые и приезжали новые специалисты и только я оставался на месте. В этом не находилось ничего удивительного. Дети крупных чиновников, приехавшие вместе со мною и после, быстро проходили курс молодого специалиста, получали хорошую характеристику и отбывали на родину наседать тёплые места в министерствах и ведомствах. За меня хлопотать было некому и оставалось смириться с бессрочной отсылкой из родных мест. Но долгое жительство здесь давало некоторые преимуще-

ства перед новоприбывшими. Смотрящие за нашим поведением чекисты, уже не обращали должного внимания на мои шалости, привыкли ко мне, как к самим себе.

Мои родители, невзирая на воинствующий атеизм вождей страны, всегда оставались искренне верующими в Господа людьми и скорее по их желанию во мне жили мысли побывать в святом граде Иерусалиме. И тут подвернулась возможность поехать туда, в награду за мой добросовестный труд, правда, не знаю, на благо чьей родины. Мне купили билет на самолёт и полный экскурс по святому городу, и я совсем не знал, что найду там женщину, с которой буду встречать и провожать все будущие дни.

И вот я в Иерусалиме, городе, где каждая пядь земли пропитана слезами и кровью людей, идущих следами Господа к месту его распятия и вознесения, освятившего мир верою вселенской Любви. Любви, не понятой никем по-настоящему. Не хочу говорить, что приехал понять непонятое, но хотя бы увидеть символы и места, из которых родилась столь величественная, по своей чистоте, вера в искупление любовью Спасителя, мне было дозволено. Погода благоприятствовала моим прогулкам по святым местам. Воздух Иерусалима так светел, что невольно верится во все чудеса, оставленные здесь историей. Эта светлость открывала душу и сердце навстречу взглядам и чувствам окружающих тебя людей. В этом состоянии душевной свободы я и повстречал её, на одной из экскурсий по древнему христианскому храму. Только мой взгляд упал в её сторону, она обернулась и я почувствовал, как нечто исторгнулось из моего тела и светлым облаком двинулось навстречу её душевному порыву. На наших глазах эти два бестелесных объёма слились в единый, закружились и улетели ввысь. Это произошло так очевидно, что когда мы сами направились друг к другу, люди расступались, освобождая путь к месту слияния наших душ. Наша встреча произошла не без божественного участия к ней. Некоторое время мы гляделись глаза в глаза, потом она ухватила меня за руку и повела за собой, через расстояния и время, прямо в звёздное небо ночного Иерусалима. Ведомый её неземным притяжением, оторванный от земли, страшно боялся одного, потерять из виду её стремительно летящую к звёздам фигуру, с разметавшимся по спине волосом. Так мы долетели к нашему, ожидающему в самой глубине своей бездонной выси, счастью.

Прошло немало времени с того часа, как мы улетели в ночное, звёздное небо над Иерусалимом. Однажды мы проснулись, звёзды давно погасли, на белом свете наступило утро и в лучах этого, народившегося вместе с нами, дня нас стало двое. Навсегда. Последние дни в святом Городе мы, совершенно забыв о времени, бродили по улочкам и смотрели кругом глазами, пробудившимися от долгого одиночества. Мы забыли о прошлом и не загадывали будущее, просто отдыхали на празднике случившейся неожиданности, которую так долго ждали.

Через две недели, после нашего отъезда из Иерусалима, она приехала в Алжир и только тогда мне стало понятно – надо что-то решать, что из радости наших встреч должно образоваться какое-то постоянство, нам больше нельзя расставаться. Недели, что прошли без неё, выпали из моей жизни, я торопил дни и старался скоротать ночи, ненужное время было чужим, оно принадлежало людям, у которых не было ожидания любви. Моя жизнь могла продолжаться только там, где жила она. И вот она приехала, но мы никак не находили времени, чтобы на что-то решиться. Теперь его недоставало, всё оно заполнилось любовью. Она заполонила наши взгляды, головы, воздух кругом нас и мы не замечали уже стерегущей нас, в темнеющем горизонте счастья, грозы. В любви всё случается внезапно, как и сама любовь, неожиданности поджидают всюду, а если вы посмели влюбиться в чужой стране, имея в кармане советский паспорт, вам, не вдруг напомнят, что счастливым вы можете быть только у себя на родине. Мне посланнику страны развитого социализма, жениться на иностранке, означало стать навсегда врагом своего народа. И хотя народ здесь был совсем ни при чём и враг из меня никудышный, я узнал как непобедима и крепка любовь моей страны к отщепенцам и если бы не восхитившая всех энергия моей Мари, сто крат усиленная любовью ко мне, моим местожительством мог бы стать медвежий угол на краю Сибири. Всё обошлось благополучно и после некоторых

формальностей я был отпущен на все четыре стороны. Столь много свободы мне не хотелось, теперь она заключалась только в Мари и мы, после негромких проводов, уехали во Францию, в Лион.

По приезду на место жительства я пытался присматриваться к своей Мари, как просто к женщине, но впечатление первой встречи было так велико, что ещё долгое время наши отношения не присутствовали на земле. Мы ощущали землю лишь ногами, но наши души всё ещё бороздили, в свете ярких звёзд, ночное небо Иерусалима. Это отлучение от земного пространства и стало нашей жизнью. Когда мы оставались наедине, многое из окружающего терялось из вида, таяло в нежности наших чувств.

Не знаю, кто из нас первый ощутил земное притяжение, но произошло такое не скоро. По приезду в Лион мы поселились в небольшом доме, на берегу Роны, полученном Мари от своих родителей в качестве свадебного подарка. К дому примыкал сад, сплошь обсаженный клумбами с различными цветами. Но мы успели только взглянуть на наше будущее жилище и укатили в свадебное путешествие в Испанию.

Земля Андалуссии – то чудо, которое нужно увидеть, чтобы об этом узнать. Мы наслаждались песнями Гранады, танцами Севильи, боями быков в Кордове. На этой земле всё перемешано. Величественные памятники культуры Востока напоминают о владычестве мавров. Но ранние и поздние постройки дворцов и храмов христианских королей говорят о неколебимости веры Спасителя в этой красивейшей стране. Обойти эту землю невозможно, но увидеть хотя бы её часть и вырастить в своём воображении целое впечатление о ней, по силам каждому. Здешняя природа не только поражает взгляд, она вдохновляет фантазию, расширяя пространство увиденного, ещё более сочными красками воссоздаёт целые картины из мелочей лишь промелькнувших перед вами однажды. А если вы влюблены, всё здесь к вашим услугам – вино Малаги, оливковые рощи и виноградники вокруг Кадиса, народные песни и танцы. Мы гостили в деревенских домах, участвовали в веселье праздников и всюду нас принимали с такой радостью, с какой зовут к себе только Любовь. Люди этой благословенной страны дарили нам своё доброе расположение с одним только желанием увидеть в наших глазах свет юной страсти. Тихими вечерами наши чувства пламенели от зажигательных танцев крестьянок, темно-красного вина, налитого в большие глиняные кружки, наши счастливые лица отражались в восхищённых глазах девушек, что вплетали в волосы моей любимой самые яркие цветы. Жизнь в деревнях андалусской низменности похожа на райскую: апельсиновые сады, заросшие кустарником берега реки Гвадаквивир, наверняка, есть напоминание о кущах Господнего эдема. В этом крае, сохранившем свою чарующую первозданность, мы совершенно отстранились от своего прошлого и не пытались задумываться о будущем. Какие мысли могут быть у навсегда счастливых людей, уже не обремененных даже своей памятью.

В наш дом мы возвратились наполненные впечатлениями, молодым задором и желанием жить. Мне сразу предложили работу на фабрике текстиля, где уже знали обо мне по работе в Алжире. Пресса и телевидения попытались создать вокруг моего приезда ореол мученика, избавленного от плена советского режима. Но я отказался от ненужного мне звания – был счастлив в любви. Мы зажили в нашем доме в радушном согласии. Мари работала в лионской библиотеке, но и дома её невозможно было видеть праздною. Она всё желала делать сама. Если не занималась чем-нибудь по дому, то её милая головка мелькала на грядках с цветами. Когда она ухаживала за ними, казалось, что это и есть её жизнь. Она распускалась в своём очаровании, становилась ярче и цветок этот носил имя – Мари. Для неё весь белый свет виделся цветочной поляной, и я тоже рос на грядке пунцовым георгином, обращённым к её лицу, как к солнцу и оттого более всех любимый. Иногда я пытался определиться в названии цветка, с которым можно сравнить Мари, но сравнивая, всё твердил «не то», «не то» и это указывало на несказуемое величие красоты моей любимой женщины. При всём этом такое понятие не было чем-то отвлечённым, живущим только в рассудке, оно жило рядом в самом сердце живое,

неотъемлемое. Взгляд на неё дарил мне какую-то светлую энергию и всегда, торопясь домой с работы, прежде всего желал взглянуть на Мари, прижаться к ней, поцеловать. Её радость моему появлению была так неподдельна, порыв с которым она встречала меня был так честен в своей нежности, что хотелось плакать от счастья. Байки о легкомысленности французов в любви, выдумка бездельников, совсем не знающих женщин той страны, они преданы и готовы жертвовать ради любимого многим. Многим или всем – не предмет торга, для Мари это был смысл существования. Она любила до самозабвения, отвергнув навсегда минувшие события и себя в них. Она никак не изумляла своим поведением, была проста и естественна, но в этой простоте и жила необыкновенная прелесть наших отношений. Не говоря ненужных слов о любви, она жила ею, каждое её движение песней чувственной страсти наполняло наш дом. Не помню, чтобы когда-нибудь слышал, что бы она ворчала или ругалась на кого-либо. Одним только взглядом она могла указать неправоту слова или действия, и этого было достаточно, чтобы впредь так не поступать. Когда, возвращаясь домой, заставлял её пропалывающей цветочную клумбу, казалось, что и цветы поворачивали свои головки навстречу мне и радостно улыбались, одною с нею солнечной нежностью. Ещё у нас в доме, в старой кадке, жило лимонное дерево, которое и выросло (как мне потом рассказали) вместе с Мари. Она очень заботилась о нём, говорила дереву такие нежные слова, какие бывают редки даже среди людей. Радовалась каждому плоду своего вечнозелёного друга, хранила и рассказывала, как всем только кажется, что лимоны кислы, на самом деле они красивы и сладки, но надо это уметь чувствовать. Такова была её небылица, в которую хотелось верить. Иногда приходилось надолго уезжать из дому, по долгу службы, и хотя работы в командировках находилось много, время тянулось тягостно долго. В такие дни вспоминались наши семейные вечера. Вы помните, что в душе моей живёт музыкант. В Алжире мне не доставало профессиональных занятий, не было условий и времени, кроме распевок на вечеринках и акомпаниаторства дамам, желающим петь. В Лионе воскресли все мои воспоминания о мире музыки. Теперь мы вечерами музицировали вместе с Мари. У неё обнаружился очень приятный голос, для домашнего пения. В этих вечерах мы объединялись всё больше, теперь уже и в музыке. Слушателями становились друзья с удовольствием посещавшие наш дом. Мой талант расцветал в глазах любимой, в словах её песен. То была лучшая пора моего вдохновения. Я начинал узнавать начало и продолжение новых мелодий, которые сочинял в эти вечера. Этой музыкой становились мысли и желания, поднимающие всё выше мою любовь, что обращалась высоким искусством.

В одной из таких отлучек, взволнованный голос тещи, по телефону, поздравил меня с рождением дочери. Я так привык к своей Мари, к её заботам, что никак не мог убедить себя, что от любви рождаются дети. Дети нужны, когда любовь родителей угасает, чтобы воспламениться в чувствах к ним. Счастливые отцы плохие родители. Так и получилось. Работа и любовь к Мари занимали всё моё время. Да и рождение дочери всегда посвящено матери и только ей. Назвали дочурку Машей, наверное, чтобы не обижать моего русского слуха. Но это было лишним, нелегко влившись во французское словесное пространство, теперь уже не чувствовал себя здесь неловко и воспринимал все оттенки местной речи. Меня никто не отягощал родительскими обязанностями, тем более что у нас жила бабушка, овдовев, после смерти отца Мари. И только через несколько лет я заметил, что по дому бегают маленькое, милое существо и щебечет песенки французского шансона. Очень скоро, увидев её порхающее платьице в каком-нибудь конце сада, я сам бежал туда и тащил этот, весело визжащий комочек в дом. Видно и вправду у мужчин не сразу случается стать отцом, но уже если это получится, то его мир становится бесконечной любовью. Нас стало трое и мы обожали быть вместе и вечерами собирались в большой комнате у рояля. Тёща жила незаметно, что порой приходилось спрашивать, не обидели ли её чем-нибудь, что она так долго не идёт к ужину. Она мягко улыбалась и говорила, дескать, Господь с вами, чего же ещё желать старому человеку. Приятно видеть всех вас вместе и для того опаздываю к ужину, жду пока все соберутся. Было лестно слышать такие

слова от родного человека, но и окружающие, а часто и вовсе незнакомые люди, входящие в дом, обращали внимание, что наш семейный союз производит благоприятное впечатление на душевное состояние. В этих словах не было ничего загадочного. В нашем доме, после долгих странствий по свету, остановилась Любовь. Мы жили ею сами и не мешали другим чувствовать это радостное присутствие.

Именно в этот момент наивысшего притяжения нашей семьи к домашнему очагу, случилось чего никто не мог ожидать. Мари, не соблюдая никаких диет, начала как-то странно худеть и ни на что не жалуясь, уже молила взглядом о помощи. Ещё никто не увидел этой мольбы, но в доме возникло напряжение предчувствия беды, когда она упала в обморок прямо на цветочной клумбе. Приглашённый врач констатировал накопление усталости и посоветовал поездку на курорт. Мы, всей семьёй, проводили Мари в лучший средиземноморский санаторий, но через неделю она вернулась, ранее определённого путёвкой срока, ещё более похудевшая, измождённый вид её не давал повода для оптимизма. Я кинулся к светилам медицины и после долгих обследований всё было кончено. У человека может не остаться совсем ничего, но должна быть надежда, а если вам тихоньким шёпотом советуют смириться, говоря, что никакой больше надежды нет, то это уже рассказанный секрет какого-то великого злодейства, в котором нет ничего от любви человеческого участия к вам. Тогда я едва удержался, чтобы не разгромить эту чёртову клинику, со всеми её приборами, заранее узнающими фатальность начинающейся болезни. Возненавидел всю медицину сразу и долго не мог спокойно видеть просто человека в белом халате.

Мари и до болезни была очень хрупка сложением своей фигуры, а тут стала совсем прозрачна и в этой воздушности угадывалась вся её беззащитность перед болезнью. Она уже совсем редко выходила из своей комнаты и только просила приносить живые цветы. Стены в спальне были устроены зеркалами и когда на столике у кровати ставились букеты, они отражались в стекле и создавали впечатление палисада вокруг белоснежной постели больной. Представьте, что в окружении этой чудесной живой красоты, умирает ваша любимая женщина и вы поймёте мои чувства. Она смотрела с виноватой грустью в глубине взгляда и я пропадал в нём, забывая себя от горя. Часами, находясь рядом, не говоря ни слова, мы оба понимали и трепетали от необъяснимой несправедливости предстоящей разлуки. Мы ещё жили вместе, но мои потухшие в горе глаза уже странно смотрелись в окружении, полыхающих со стен, букетов цветов. Так говорила мне она. Я целовал её руки и плакал. В моём плаче слышалась молитва мольбы: претерплю всё, лишь бы на меня смотрели твои прекрасные глаза.

Была ночь, когда я услышал слабый голос, зовущий меня по имени. Не знаю, произошло это во сне или в реальности, но сразу же поднявшись, прошёл в её комнату и кажется, успел уловить последний вздох моей любимой. Перед самым утром я закрыл её глаза и более не мог смотреть на неживое лицо. Лицо без взгляда, которым она радовалась наступлению каждого дня. Это было невыносимо.

Вы видели жар солнца через закрытые веки глаз? Вот в таком огненном тумане я плутал несколько дней. В этой горячей пустыне возникали какие-то люди, они бродили вместе со мной, исчезали, появлялись вновь, в образах, размытых, расплавленных созданий, которые растекались по моему сознанию огромными кровавыми пятнами. Страдая, я не замечал ничего, что происходило кругом, только красное марево, где мелькали призраки. Потом проходили дни, ночи, но я по-прежнему убирал её комнату цветами и подолгу находился там один. Прибегала моя маленькая непоседа – дочка, смотрела мне в лицо глазами Мари, я прижимал её к себе и в моей груди становилось теплее, таяло моё застывшее, казалось бы навсегда, сердце. Она вводила меня на кухню, без умолку рассказывая о своих детских делах. Слушая дочурку, пили чай, моя тёща, хранит её пресвятая дева (она жива до сих пор и сообщает мне о своей жизни в письмах), ничем не напоминала о трагедии, была очень деликатна и предупредительна. Но никто и ничто не могло заменить Мари и в доме не находилось предмета который бы не

напоминал о ней. Моя психика надломилась, я впал в тихое помешательство, днём мерещилось лицо Мари в клумбах между цветов, ночью она приходила ко мне и мы подолгу беседовали. Она говорила, чтобы я не скучал, а занялся бы новым домом, который начали строить ещё в её жизни, что всё будет хорошо и улыбалась своей чудесной улыбкой. Эта улыбка светилась желанием веры в свои слова, но зачем тогда она приходила и напоминала о себе.

Скажу вам, что всегда отличался отменным здоровьем, но после нескольких месяцев бессонницы и непреходящих галлюцинаций, превратился в облако, отдалённо напоминающее обо мне человеческими очертаниями. Тёща забила тревогу. В результате врачи посоветовали на полгода сменить обстановку – путешествие, иначе, предупредили они, всё моё отчаяние кончится психушкой. К тому времени строительство нового дома шло к завершению и, отдав, какие сумел, распоряжения относительно интерьера комнат, отбыл в Японию. Менять обстановку, так совсем, землю, сторону света, разрез глаз на плоском лице, язык и даже манеру пить чай. Некоторое время, проведённое в стране Раннего Солнца, я дичился общества людей, искал уединения и нашёл отдых своей душе в небольшой деревушке у моря, в доме рыбака. Хозяин знал всего несколько слов по-английски, но мы прекрасно ладили. Жена его так славно умела готовить вкусный чай и рыбу, что я слабел от запахов японской кухни и начал предаваться чревоугодию. Из сельского уединения иногда выезжал в города, но чурался шумных туристических толп и маршрутов и больше в одиночку бродил по тесноте японской столицы и других мегаполисов. Такое случалось редко, больше нравилась спокойная размеренность сельского быта, немногословие отважных рыбаков, в одиночку ходивших на своих лодках в море, в прибрежных скалах водилось много птицы и появилось желание подолгу наблюдать их шумную суету. Прибой своими волнами вымывал из меня тоску, а свежий утренний воздух восстанавливал утраченные физические силы. Рыбак, у которого квартировал, выказывал мне своё расположение и даже стал брать с собой в море. Однажды, из-за быстро переменявшейся погоды, лодку отнесло ветром, мы потеряли ориентиры и наверняка бы погибли, но нас спасли русские моряки с траулера, стоящего на дрейфе из-за какой-то поломки. Подняли на борт с нашей лодки, казавшейся щепкой рядом с громадиной корабля, а в вихре шторма просто незаметной. На судне нас обогрели, а когда узнали, что я русский, сам капитан пригласил к себе в каюту, где накрыли стол и выставили на него всю роскошь русского хлебосольтва. Всем напиткам я всегда предпочитал хороший коньяк, но не мог, будучи спасённым гостем, отказаться от водки и поглощал её в таком количестве, будто делал это всю жизнь. Видимо этот напиток, как и кровь, объединяет русских людей неожиданно и счастливо встретившихся на чужой стороне. Каюта наполнилась весельем и такой душевностью слов и взглядов, что позже плохо помнилось, о чём шёл разговор за столом. Помощник капитана подарил мне курительную трубку, сделанную, как он тогда выразился не из какой-нибудь поганки, а из настоящего русского дуба. Я никогда не курил, но подарок храню, как память той замечательной встречи. Наутро над морем разведрилось, вода утихла и наши спасители, снабдив моего лодочника большим морским компасом, отправили нас к берегу. Ещё долго с палубы нам махала команда гостеприимного корабля, на борту которого белела надпись «Дальний восток». По прибытию домой, мой рыбак уложил компас в шкатулку, где находились завещанные реликвии семьи и сказал, что в этом месте, из поколения в поколение, хранится всё, что приносит счастье. Это приключение всколыхнуло мои жизненные силы, даже появилась догадка, что именно эта встреча, с родными по духу людьми, стала началом исцеления недуга. К концу пребывания на японских островах, я уже вполне годился для продолжения жизни и работы у себя дома. Отдалилось тягостное воспоминание похорон и последующих дней неприкаянности, ненужности своего присутствия в жизни. Жаль было покидать гостеприимный рыбацкий посёлок и приютивший меня дом (я уже много понимал по-японски и даже пытался вступать в беседу на собраниях рыбаков), но меня ждала дочь и ещё что-то новое в жизни. Но по дороге домой захотелось ненадолго вернуться в Испанию и, проехав по памятным местам солнечной Гранады, я вернулся домой нагру-

женный тоской по дням проведённым там с Мари и мне не с кем было улыбнуться тем воспоминаниям, чтобы они рассеялись.

Новый дом ожидал меня, сиял чистотой окон и нежилой внутренней новизной. Чтобы переехать сюда, ждали моего возвращения и сразу же приступили к переселению. Из старого дома ничего не взяли, только любимую цветочную вазу Мари, её любимое лимонное дерево и вот это же трюмо. Пока хлопотали с новосельем и на эту суету отвлекались мысли, я выглядел вполне благополучным человеком. Но после обустройства на новом месте, в своих снах, стал пропадать в старом доме и продолжал беседы с Мари. Вернулась ночная бессонница, день наполнился галлюцинациями, на работе заметили мою неуравновешенность в отношениях с коллегами и настоятельно предложили обследоваться у психотерапевта. Обследовав меня, врачи нашли нервную систему растроченной, приговорили к режиму покоя и выдали на руки документы, дающие право на получение пенсии. Это основательно подорвало мои душевные силы, я стал всё чаще срываться в семейном общении, непреходящая раздражительность становилась выразительной, и чтобы не прослыть злодеем в своей семье, стал готовиться к отъезду. Та встреча с русскими моряками предопределила путь моего отступления.

Понимая хрупкость своего состояния между здоровьем и безумием, не стал тянуть с отъездом. Визу получил быстро, по праву рождения, да и политическая ситуация в мире изменилась, Россия обратилась лицом к своим недавним врагам и уже не обременяла своих и чужих граждан запретами на въезд и выезд.

В аэропорту Орли меня провожала вся моя семья: тёща и дочь. Очень повзрослевшая со дня смерти матери Маша, смотрела на меня своими огромными глазами, из которых безудержно лились слёзы. До самого отъезда мне казалось, что она понимает необходимость нашей разлуки, но эти слёзы показали всю глубину переживаний моей девочки, до объявления посадки на мой рейс, не верившей в неотвратимость моего отъезда. Так, разрываясь душой от безмолвных рыданий, в залитой слезами моей дочери рубашке, я вошёл в салон лайнера, рейсом на Москву. Чем был этот путь, малодушием перед страхом будущего, возможного безумия или нечеловеческой жертвенностью отцовства ради свободы дочери от непредсказуемости моего дальнейшего поведения? Но непривыкший к похвалам себе, я воспринимал свой побег, как необходимость осознанной будущей вины перед своими родными. С этим нелёгким чувством я и ступил на землю белокаменной столицы России. Пробыл там недолго, побродил по улицам, площадям, посетил выставки, галереи, музей Пушкина. Радовался, как мог, встрече с Москвою, где никогда не бывал, но много читал (в том числе Гиляровского), слышал и смотрел кино. Думаю, что ни об одной столице столько не написано. Стоило, конечно, и было о чём рассказать. Очень отвлёкся от своего неясного положения, то ли иммигранта, а может возвращенца. В последний день побывал в Большом театре, послушал Онегина и в такой разнообразии впечатлений отбыл на свою малую родину. Чем дальше удалялся от Москвы поезд, тем ошутимее терялась связь с моей французской тоской. Да, бывает и такая печаль. Во мне оживал интерес к жизни. Нет, я не потерял память, просто разум осветлялся в тёплых лучах исходившим от прошлого счастья. В том свете жила Мари и никакие дурные видения более не преследовали меня.

Теперь я живу здесь. Развожу цветы, ухаживаю за садом. Отыскал и ухаживаю за могилами родителей, перед которыми бесконечно виноват. Ранее думал, что помог им, отписав деньги, заработанные в Алжире, но, как оказалось, отнял у них этим последнюю надежду на моё возвращение. Я был последним ребёнком в семье и стал самым тягостным разочарованием. Получив деньги, они роздали их моим сёстрам и братьям, ничего не оставив себе, хотя, судя по письмам нуждались в старости. Это был их протест против моего, по их мнению, нелепого поступка. Всё больше времени провожу в одиночестве. С собою привёз всё те же три вещи, но вещами их называть трудно, они оживают, стоит только подумать, как к ним прикасались руки Мари. Они уже не отражаются тревогою в моём взгляде на них, а остаются свидетелями

моего недавнего счастья. Это любимая ваза Мари, которая никогда не бывает пуста, трюмо, где в зеркалах привычно смотрятся букеты цветов и лимонное дерево, оно теперь, в ожидании холодов, перенесено в дом. Цветы в вазе, это не дань памяти Мари, а скорее традиция, если при её жизни ваза всегда была полна цветами, то и теперь пусть будет так же, в этом живут её привычки и пока жив я, буду эти привязанности продолжать, а в них будет жива и она.

– Вы что же совсем забыли о дочери? – вырвался мой вопрос.

– Что вы? Год назад она приезжала сюда. Сейчас она красивая девушка, с повадками Мари в своих движениях, с великолепными чёрными кудрями, против светлого волоса матери. Она простила меня и даже нашла очень романтичной мою нынешнюю жизнь. Просила вернуться, хочет познакомиться со своим парнем. «Представляешь папа, он тоже русский, – и радостно, до слёз, хохотала, но потом серьёзно, с содроганием в голосе добавила. – Я очень им дорожу и никогда не расстанусь». Думаю, что скоро вернусь к ней, чувствую в себе ещё довольно сил и надеюсь, что моя старость не станет ни для кого каторгой.

В молчании допили уже остывший, забытый за разговором, чай и стали прощаться, за окном, по-осеннему рано, вечерело. Повернувшись к выходу, я увидел картину, всё это время висевшую за моей спиной. По цветущему клеверному полю, сплошь залитому удивительно ярким светом, бежала женщина, её волосы, будто вымытые в золоте, разметались невидимым ветром и казалось, что их нити превратились в солнечные лучи, напитавшие воздух вокруг.

Путешествие любви

Мы неожиданно встретились в начале осени, в совершенно неромантичное для нашей местности время года, в унылой обстановке дешёвого кафе, куда я забрёл переждать, наводящий тоску, мелкий, противный дождь и под его дробящее мысли на всякую мелочь покапывание за окном, заказал стакан красного вина и отпивая глоток за глотком, думал о своей новой, только что начатой рукописи. Начало этого чего-то, образующего в будущем то ли рассказ, то ли роман, было такое же унылое, как дождь, как этот подслеповатый свет, кое-как высвечивающий середину моего стола и только на удивление неплохое вино подвигало мои мысли на продолжение начатого движения. Героиня моего повествования, ещё совсем незнакомая даже мне, только входила в свою, дарованную мной, жизнь и вдруг заставляла в ней неожиданные события, в которых ей не всегда хотелось участвовать. Это упрямое нежелание участия в моём сценарии её жизни и путало продолжение рассказа. Я был откровенно рассержен действиями этой строптивицы (где это видано, чтобы автор считался с мнением своего персонажа, пусть даже главного?) и вот сейчас, после нескольких глотков вина, убеждал её сделать предначертанные мною и, как казалось мне, нужные для продолжения рассказа, шаги. Когда мне, наконец, удалось достичь некоторого компромисса с моей несговорчивой героиней путём введения в повествование новых линий сюжета, слегка потакающих её эгоистичному поведению, оказалось, что при достижении задуманного, сама авторская цель немного изменилась, оставаясь, однако, моей мысленной собственностью. Я успокоился и прикрыл глаза, но тут раздалось постукивание по столу и моему открывшемуся взору предстала... моя героиня. Всякий пишущий человек всегда представляет облик своего героя, хотя не всегда описывает его внешность (загадка должна присутствовать в любом жизнеописании, ведь чтение книг – это не что иное, как поиски разгадки тайны, запятой писателем где-то, ну вот там, ещё чуть-чуть... и читают, читают, разочаровываются или радуются), а чаще предлагают самому читателю соединить написанное в желаемый для него образ. Экранизация произведений часто так далека от образов и смысла прочитанного, что читающий человек, уже однажды вообразивший своих героев, не воспринимает показанное, как замысел писателя. Передо мною стояла женщина, которую представлял себе я, и с нею же недавно спорил и пока ещё никто ничего не знал о ней, но ведь кто-то же указал ей дорогу ко мне и теперь, невидимо присутствуя где-то поодаль, усмехался: «Выдумывать навывдумывал, а вот как ты с ней живою теперь обойдёшься?» Я обвел зал кафе взглядом, но ничего и никого, что думал найти, не обнаружил. Во второй половине зала, за крайним у стены столиком вели беседу двое юношей и девушка. Я перевёл взгляд на свою знакомую незнакомку. «Можно присесть?» – спросила она. «Почему именно за мой стол?» – прикинулся не собою я. «Почему-то мне хочется к вам. Я чувствую что-то родственное в вашем и своём одиночестве. Может быть, я ошибаюсь, но кажется, что вы не меньше моего ожидаете какой-нибудь необыкновенной встречи, знакомства. Вы устало выглядите, но усталость эта не физическая, а духовная. Не могу ли помочь вам в облегчении этого несчастного недуга? Так можно присесть?» – настаивала она. «Присядьте, но не думаю, что наше соседство привнесёт покой в мои мысли», – противился я. Она присела и с этого момента, определённого лёгким движением её руки, началось моё увлечение ею. Если бы не было этого движения, которое описать невозможно – это движение видения, неземного существа, что-то из божественных мечтаний художника, нигде им не выраженных, я бы так и остался равнодушен к своей незнакомке. Но вдруг захотелось повторения мгновения полёта её руки, один раз, увидев который, невозможно запомнить и потому я погрузился в ожидание каких-то новых ощущений, обещанных, как мне показалось, появлением в жизни этого выдуманного существа. Между тем она свободно расположилась за моим столиком, где завороченный случайным движением, уже склоняясь в своём настроении к романтичности восприятия этого явления,

молча сидел я, ожидая действий от внезапно ожившего призрака моих мечтаний. «Почему бы вам для начала не угостить девушку чем-нибудь? Ведь у меня нет никого, кроме вас, ни здесь, ни там», – она указала рукой на скучное мокрое окно. «А чего вы хотите?» – спросил я, даже не догадываясь, чего может желать ненастоящая женщина. «Пирожное и чаю. Если будете так любезны», – сказала она мне и приглашённому гарсону. Заказ был сделан, слова сказаны и невозможно было даже предположить, какое продолжение может иметь этот вечер для нашей встречи. Пирожное было изящно и со вкусом съедено моей дамой, и теперь она мелкими глоточками припивала чёрный, похожий на кофе, чай. Я начинал понимать, что настоящее удивление этой встречи только начинается и в подтверждение моим мыслям прозвучали слова: «Что вы теперь собираетесь со мной делать? Какие у вас планы относительно продолжения наших отношений?».

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.